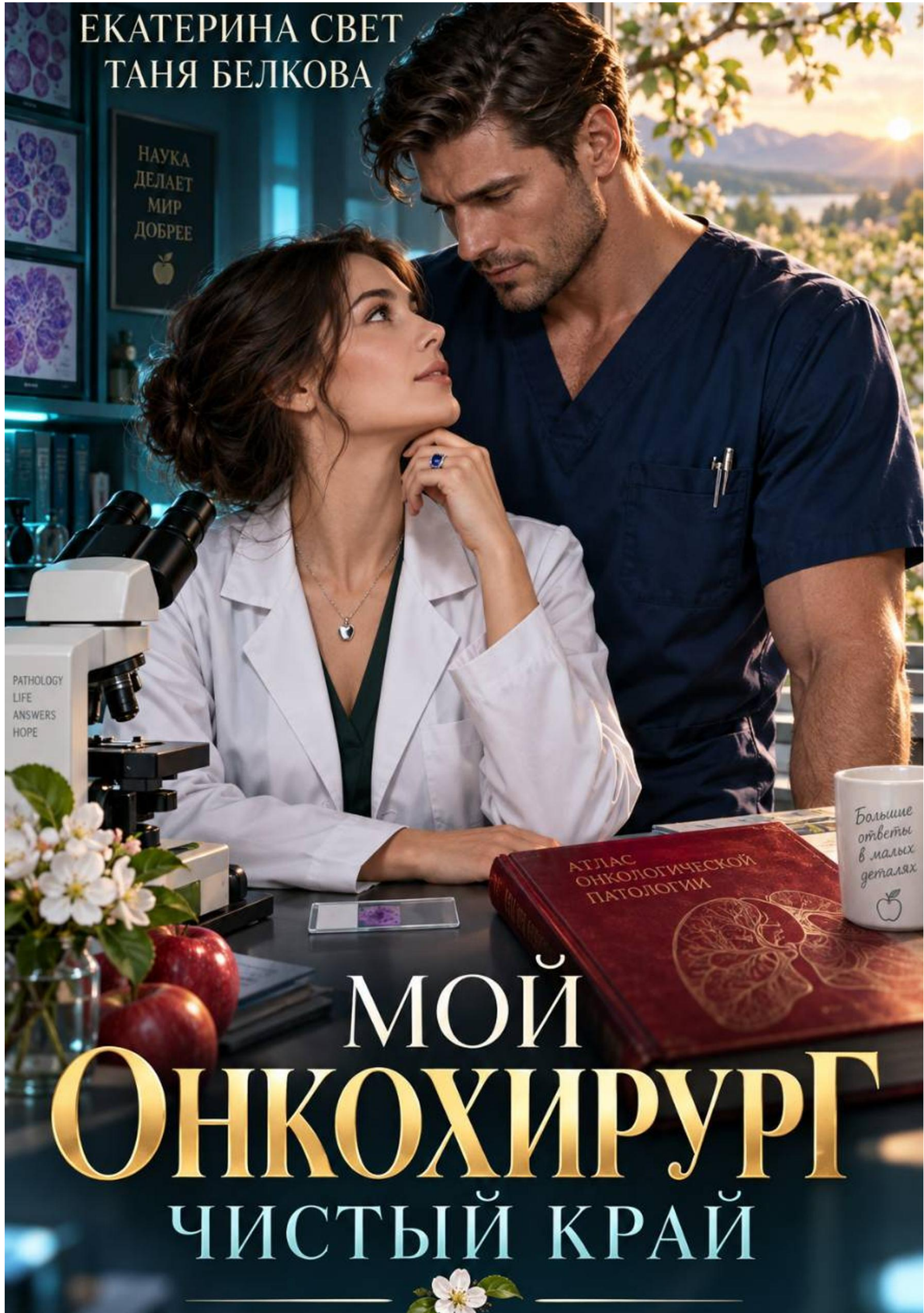

ЕКАТЕРИНА СВЕТ
ТАНЯ БЕЛКОВА

PATHOLOGY
LIFE
ANSWERS
HOPE

НАУКА
ДЕЛАЕТ
МИР
ДОБРЕЕ

Большие
ответы
в малых
деталях

МОЙ ОНКОХИРУРГ ЧИСТЫЙ КРАЙ

Таня Белкова

Мой онкохирург. Чистый край

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой онкохирург. Чистый край / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала из Москвы в областной онкодиспансер и на первом же консилиуме сказала «нет». Молодую учительницу решили отправить умирать. Я, патоморфолог Надежда Северова, вижу шанс — и онкохирург Всеволод Градов готов за него драться. У операционного стола мы понимаем друг друга без слов. За его стенами он приносит мне горячие круассаны, собирает книжный шкаф и обещает никому не дать меня в обиду. Рядом с этим нестигаемым мужчиной страшно только одно: поверить, что я больше не одна. Но в больнице обнаружены поддельные лекарства. За ними стоит влиятельный фармхолдинг, а за правду мне грозит увольнение. Теперь на кону чужие жизни, его имя и наше право быть вместе. Отступить — значит предать всё, что нас сблизило.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Екатерина Свет

Мой онкохирург. Чистый край

Мой онкохирург. Чистый край
Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава 1

В семь утра рассвет над онкодиспансером был холодным и мутным, как застывший физраствор. За окнами четвертого этажа ветер срывал листву со старых больничных яблонь. Я застегнула накрахмаленный халат и вошла в экспресс-лабораторию патоморфологии — мою крепость из кафеля и микроскопов Olympus, которую я, Северова Надежда Александровна, кандидат медицинских наук, обживала две недели после переезда из Москвы.

До пятиминутки оставалось сорок минут. Там решалась участь двадцатилетней Веры Сергеевны Соколовой — сельской учительницы, доставленной ночью по «скорой» с тяжелым распадом опухоли желудка.

Я подошла к ротационному криостату Leica CM1950. В его ледяной камере за считанные минуты замерзает биоптат, чтобы алмазный нож превратил его в прозрачные срезы, по которым я обязана крикнуть в рану: «Режь дальше» или «Стой, край чист».

Я щелкнула тумблером питания.

Вместо ровного гула прибор судорожно щелкнул пусковым реле и зашелся писком аварийного зуммера. На табло вспыхнула надпись:

‘ERR-04: COMPRESSOR THERMAL OVERLOAD’

Температура в камере вместо минус двадцати пяти поползла вверх: минус восемь, минус четыре, плюс два. Хладагент уходил.

Из прозекторской выскочил лаборант Митя Голубев — Дмитрий Сергеевич, двадцати четырех лет, бледный, комкающий полотенце:

— Надежда Александровна! Сервисный инженер уволился в сентябре, а начмед Шахов новый договор срезал ради экономии! Радиатор войлоком зарос, фреон выбило через штуцер! Без компрессора криотом мертв! Чем мы будем резать экстренную биопсию?!

В институте Блохина меня учили главному: паника врача убивает быстрее рака.

— Митя, отставить истерику, — отрезала я. — Завоздушивание контура и перегрев термодатчика. Бегом за шестигранниками, баллоном со сжатым воздухом и феном. Снимешь решетку компрессора и продуеть теплообменник. Если фреон ушел — переведем камеру на внешний криоспрей.

Пока Митя срывал кожух, я встала на колени перед станиной с юстировочным ключом и шупом. Ослабив винты, я с точностью до долей градуса выставила угол наклона алмазного лезвия — пять градусов к плоскости подачи. Зафиксировала антирольное кварцевое стекло и откалибровала шаговый двигатель на подачу ровно четыре микрона. На корпусе синела голограмма: свидетельство поверки ВНИИМС № 44-892. Механика была безупречна. Дело осталось за холодом.

— Радиатор чистый! — выдохнул Митя. — Но золотник низкого давления травит!

— В цоколь, — скомандовала я. — За мной.

Мы сбежали в подвал криохранилища, пахнувший сырым бетоном и машинным маслом. Дверь склада газов была наглухо заперта на замок.

Я повела лучом фонарика по тупику. В нише, прикованный к стене цепью, стоял стальной баллон с маркировкой: «Углекислота медицинская 99.8%» с редуктором высокого давления.

— В немецких криотомах заложена магистраль аварийного криоспрея для моментальной заморозки столика углекислотой, — сказала я. — Отжимай цепь!

Мы сорвали фиксатор, взвалили сорокакилограммовый цилиндр на тележку и покатали к подъемнику.

— Стоять! Куда?! — из каптерки вынырнул главный инженер Степан Ильич Полуэктов с кружкой кофе. — Баллон на балансе стерилизационной! Без визы начмеда Шахова гвоздя не дам! Под статью пойдете!

Я шагнула к нему вплотную, глядя прямо в зрачки:

— Наверху умирает девушка двадцати шести лет. Через тридцать минут консилиум. Если из-за вашей кружки кофе криотом не выдаст срез и пациентка погибнет от нераспознанного прорастания опухоли — я первой строкой судебно-медицинского протокола запишу: смерть наступила вследствие халатности главного инженера Степана Ильича Полуэктова. Статья двести девяносто третья УК РФ, часть вторая — до пяти лет колонии. Ключ от лифта на стол. Немедленно.

Полуэктов посерел. Он молча приложил карту к считывателю подъемника и отступил в темноту.

В семь тридцать восемь баллон стоял у криостата. Митя накинуд шланг, но латунная гайка сорвалась с изношенной резьбы — газ с ревом вырвался наружу, покрывая металл колючим инеем.

— ФУМ-ленту! — крикнула я, перехватывая штупер.

Я зубами сорвала край ленты, в восемь плотных слоев затянула резьбу и намертво зажала соединение разводным ключом с хомутом. Шипение смолкло. Манометр замер на шести барах.

Теперь главное: прямой сброс углекислоты в камеру вызвал бы термический шок и заклинил микрометр. Я отсекла вентилем общий контур и направила капиллярный зонд локально — строго под металлическую подошву столика ткани. Столик за сорок секунд покрылся инеем. Термометр показал минус двадцать шесть градусов.

На дисплее горел код блокировки `LOCK`. Пальцами я ввела сервисную комбинацию `CALIB + FREEZE + LIGHT` и мастер-код Гейдельберга: 4-4-1-9-5-0.

Прибор пискнул, и экран вспыхнул зеленым:

`READY TO SECTION`

— Получилось... — Митя осел на стул, глядя на меня с восторгом.

— Проверим, — я закрепила блок свиной печени, выждала полминуты и плавно провернула маховик.

Лезвие без звука сняло прозрачный срез толщиной ровно четыре микрона. Ни одной трещины, идеальная шелковистая лента.

В дверь постучали. На пороге стояла старшая операционная сестра Антонина Марковна Смирнова:

— Надежда Александровна, время. Начмед Шахов собирает пятиминутку.

Я сбросила перчатки и накинула свежий халат:

— Митя, заправь гематоксилин и эозин, подготовь изопентан и включи УФ-блок на микроскопе Olympus. Мы идем драться за человека.

* * *

В конференц-зале стоял дух табака, остывшего кофе и покорности. За полированным столом восседал начмед Григорий Иванович Шахов — одутловатый мужчина с опущенными уголками сытых губ. За ним сидели тридцать врачей, потупив взгляды.

И лишь на последнем ряду, у окна, сидел Всеволод Андреевич Градов.

Ведущий онкохирург диспансера. Широкие плечи, стать гранитной скалы, рукава темно-синего хирургического костюма закатаны по локоть, открывая жилистые предплечья с узлами

вен. Лицо с резкими скулами и жесткой складкой между бровями казалось высеченным из камня. Он не слушал начмеда. Он смотрел в окно на голые ветви яблонь с готовностью бойца.

— ...Случай не оставляет иллюзий, — бубнил Шахов, постукивая ручкой по папке. — Соколова Вера Сергеевна, двадцать шесть лет. Учительница сельской школы. Поступила по «скорой» с кровотечением. Рак тела желудка T4bN2M0, прорастание в поджелудочную железу, инфильтрация ворот селезенки, циркулярная муфта чревного ствола. Процесс инкурабелен. Вскрывать ее — значит получить труп на столе через пятнадцать минут от кровотечения. Наше решение: консервативный гемостаз, выписка на паллиатив по месту жительства. Кто за?

В зале послушно потянулись руки.

Я поднялась со своего места:

— Я против.

Мой голос прозвучал спокойно, но хирурги впереди втянули головы в плечи. Шахов побагровел, шлепнув ладонью по столу:

— Надежда Александровна! Ваше дело — смотреть в микроскоп, а не учить хирургов операбельности! Сядьте на место!

— Я не сяду, Григорий Иванович, — я подошла к трибуне и вставила флешку в разъем проектора. — Вера Соколова операбельна. Если мы выбросим ее за порог, она погибнет через две недели не от рака, а от нашего малодушия. Я требую три минуты регламента. Иначе скан истории болезни с моим особым мнением ляжет на стол лично академику Петру Сергеевичу Воронову.

Имя главного онколога страны действовало безотказно. Шахов поперхнулся воздухом и процедил технику:

— Подключите... Три минуты!

Свет погас. На экране вспыхнула 3D-томограмма брюшной полости с болюсным контрастированием. Я направила луч лазерной указки на темный конгломерат между малой кривизной желудка и аортой:

— Доктор Борис Николаевич Баранов, вы утверждаете, что здесь циркулярное врастание опухоли в чревный ствол?

Рентгенолог нервно поправил очки:

— Разумеется! Вот она, зона потери дифференцировки! Артерия замурована в муфте!

— А теперь посмотрите плотность по шкале Хаунсфилда, — я увеличила срез вчетверо. — Плотность карциномы у пациентки — плюс сорок единиц. А плотность ткани вокруг артерии — плюс восемь! Это вода! Это выраженный реактивный отек паравазальной клетчатки и лимфаденит на фоне распада язвы! Стенка артерии интактна! Просвет сосуда идеально круглый! Здесь нет инвазии, коллеги! Это псевдоинвазия!

Баранов подошел к экрану вплотную, взгляделся и растерянно пробормотал:

— Черт побери... Контур адвентиции четкий... Футляр не поврежден...

Шахов заерзал, чувствуя, как ускользает контроль:

— Допустим! Но опухоль спаяна с хвостом поджелудочной железы! Без ее резекции со спленэктомией желудок не убрать, а у истощенной девочки гемоглобин шестьдесят восемь! Она выдаст панкреонекроз и смерть в реанимации! К тому же у диспансера исчерпаны квоты

ВМП на комбинированные вмешательства с интраоперационной криотомией! Мы юридически не имеем права брать ее без тарифа ОМС!

Я положила перед ним ламинированный приказ:

— Приказ министра здравоохранения о моем командировании. Пункт четыре дает диспансеру право проводить любые молекулярные и криотомные манипуляции в рамках федеральной апробации без привлечения средств ОМС. Ответственность за соблюдение краев R0 я беру на себя. Лично. Под протокол.

Шахов открыл рот, оглядел зал и злобно повернулся к окну:

— Раз москвичка берет грех на себя — пусть решает оператор. Всеволод Андреевич! Соколова в вашем отделении. Вы пойдете на этот стол?

Градов медленно поднялся. Его фигура заслонила свет из окна.

Его серые глаза с янтарными искрами уперлись прямо в меня — цепко, тяжело, просвечивая насквозь. Я выдержала этот взгляд, не шелохнувшись.

— Надежда Александровна, — его глухой рокошующий бас заполнил зал. — Сколько минут тебе нужно на криосрез границы по поджелудочной железе и пищеводу?

— Семь минут от момента погружения ткани в контейнер до звонка по интеркому, — ответила я ровно. — Если я увижу в крае хоть один опухолевый комплекс — я остановлю твою руку.

В глубине его глаз блеснуло пламя бойца, встретившего равного:

— Семь минут. Договорились. Шахов, закрывай консилиум.

Он зашагал к дверям. Начмед метнулся следом:

— Всеволод, стой! Она выдаст труп на вводном наркозе! Я напишу в Следственный комитет!

Градов резко затормозил, вырвал историю болезни из рук начмеда, положил на подоконник, достал красный маркер и размашисто перечеркнул слово «Паллиатив». Сверху твердо начертил:

«По жизненным показаниям. Тотальная гастрэктомия, лимфодиссекция D2, экспресс-контроль R0. Оператор — Градов В.А.»

Он сунул маркер в карман начмеду:

— Иди считай копейки, Григорий Иванович. А мы идем спасать человека. Марковна, первую операционную готовить немедленно!

В коридоре на жесткой банкетке сидела мать Веры — Елена Васильевна Соколова, иссушенная горем женщина в выцветшем платке:

— Доктора... Мне Григорий Иванович сказал... Сказал, Верочка умрет на столе... Не режьте мою девочку!

Она зашлась страшным сухим плачем.

То, что сделал Градов, заставило меня замереть. Этот суровый великан опустился на одно колено прямо на холодную плитку перед рыдающей матерью. Его сильные ладони бережно накрыли ее трясущиеся руки:

— Елена Васильевна, посмотрите на меня. Я — Всеволод Градов. Я не бог и пустых чудес не обещаю. Но если мы сложим руки — Вера сгорит за две недели от кровотечения. А у стола

мы будем драться за каждый ее вдох. Рядом со мной доктор Надежда — лучший морфолог страны. Доверьтесь нам. Мы вырвем ее.

Женщина замерла, вглядываясь в его спокойное лицо, глубоко вздохнула и сквозь слезы взяла ручку:

— Я верю вам, доктор... Спасите ее.

В предоперационной на каталке лежала Вера — прозрачная, с огромными глазами. Кардиомонитор отбивал сто двадцать пять ударов, давление высветилось критическое: 85 на 50.

Дежурный анестезиолог-реаниматолог Сергей Петрович Колесников нервничал:

— Всеволод Андреевич, давление падает! Надо капать эрмассу часа два!

— Никаких двух часов, она кровит прямо сейчас! — отрезал Градов. — Вводный наркоз и струйная трансфузия под давлением в две вены! Надежда, поддержи ее.

Я подошла к изголовью и накрыла своей ладонью ледяные пальцы девушки:

— Верочка, ты ведь учитель литературы? Кого из поэтов любишь больше всего?

Девушка шепнула пересохшими губами:

— Пастернака... «Во всем мне хочется дойти до самой сути... В работе, в поисках пути...»

— Вот и мы дойдем до самой сути твоей болезни, — я сжала ее руку, чувствуя, как пульс выравнивается. — И вырежем ее. Засыпай, моя хорошая. Мы держим тебя.

Веки Веры отяжелели. Пропофол унес ее в сон, давление стабилизировалось. Градов бросил на меня взгляд сквозь очки:

— Встретимся через шлюз, Надежда. Не подведи.

Я развернулась и бегом бросилась наверх, к ожидавшему меня криостату.

Глава 2

Из динамика доносились гул первой операционной этажом ниже и мерный писк пульсоксиметра. Хирурги молчали.

Я находилась у наклонного смотрового окна экспресс-лаборатории, прижимая к уху трубку интеркома. Рядом тихо гудел подготовленный криостат, а Митя застыл у пневмопочты. Сквозь толстое стекло галереи операционное поле казалось залитым слепящим светом овалом, где белели спины хирургов и поблескивали стальные дуги расширителя Сигала. Всю анатомическую драму в глубине раны я ловила по звукам интеркома, по резким, скупым командам Всеволода:

— Стоп тракция, — глухо донесся из динамика голос Градова. — Потянешь — оторвешь селезеночный угол кишки. Массивный хрящевидный конгломерат тела желудка спаян с поперечной ободочной. Идем снизу, отсекаем большой сальник по бессосудистой зоне Гартмана...

Щелчки зажимов, ровный свист хирургического отсоса. И вдруг пауза.

— Каменистая плотность по задней стенке, — донесся взволнованный шепот ассистента. — Опухоль намертво впаяна в капсулу хвоста поджелудочной железы! Если отрывать вслепую — вскроем вирсунгов проток. Всеволод Андреевич, надо сносить единым блоком с хвостом железы и селезенкой!

— Резекция хвоста у истощенной больной — это панкреонекроз со смертностью восемьдесят процентов, — отчеканил Градов. Внизу он поднял маску к моему смотровому окну и нажал педаль селектора: — Надежда! Ты на связи?

— Слышу тебя, Всеволод.

— Беру тангенциальный срез по капсуле железы на границе инфильтрата. Дай мне ответ: рак или фиброз?

— Образец взят, отправляем, — доложил ассистент по интеркому. Я шагнула к приемнику пневмопочты.

В трубе хлопнуло, и через семь секунд капсула вылетела в приемный лоток лаборатории.

— Принято! — крикнула я, щелкнув секундомером.

00:01. Время пошло.

Митя выложил кусочек ткани на чашку. Я нанесла каплю криогеля O.C.T. Compound, прижала образец к столику и открыла вентиль аварийного криоспрея. Струя углекислоты проморозила биоптат за сорок секунд.

Я зажала образец в держатель. Но при первом касании нож смял ткань — плотный коллаген крошился под углом в пять градусов.

Секундомер: 01:25.

Я мгновенно изменила угол атаки лезвия на восемь градусов, сбрызнула антирольное стекло изопентаном и плавно повернула маховик.

Прозрачная лента ткани толщиной пять микрон легла на полочку. Теплое стекло подхватило срез, расправив его без замаятия.

02:10. Проводка. Спирт, гематоксилин Майера, дифференцировка, эозин, пихтовый бальзам.

03:45.

Я поместила стекло под объектив Olympus BX53 и прильнула к окулярам.

Где раковые гнезда с атипичными ядрами? Где инвазия?

Их не было.

В поле зрения лежали широкие пласты зрелых фибробластов, полнокровные капилляры и мощная инфильтрация лимфоцитами. Это была классическая картина грануляционной ткани — перифокальный реактивный вал, которым организм отграничивал язву от здоровых органов!

Митя заглянул в окуляр:

— Надежда Александровна... Там же чисто! Ни одной раковой клетки!

Дежурный врач испуганно залепетал:

— Давайте перепроверим по Ван Гизону на десять минут, вдруг пропустим микрометастаз?!

— У нас нет десяти минут! Градов держит железу голыми руками!

Я сорвала трубку интеркома:

— Всеволод! В крае резекции по поджелудочной железе рака нет! Это чистый реактивный склероз! Опухолевые комплексы отсутствуют, капсула интактна! Убирай скальпель от поджелудочной, орган чист!

Сквозь стекло я увидела, как внизу дрогнули плечи Градова. Он на миг замер, поднял голову к моему окну, и даже сквозь маску я почувствовала, как с него спало напряжение.

— Принято, Надежда. Железу оставляем. Спасибо.

В динамике интеркома послышался сухой щелчок коагулятора и уверенный голос Всеволода:

— Диссектор. Раз в крае только фиброз — sluшиваю желудок прямо с капсулы поджелудочной железы...

Сверху было видно, как стремительно и точно заработали его руки в свете бестеновой лампы.

— Кровотечения нет, капсула интактна, — доложил в селектор ассистент. А следом Градов отрывисто скомандовал сестре: — Шелк номер три на зажиме. В малом сальнике аномалия — добавочная печеночная артерия. Обхожу пинцетом, сохраняем питание левой доли печени... Левую желудочную артерию перевязать наглухо.

Орган был сохранен. Но впереди оставался самый страшный рубеж.

* * *

К одиннадцати утра операция подошла к черте отсечения желудка от пищевода.

— Аппарат УО-40, — глухо бросил Градов.

По интеркому Всеволод предупредил, что приступает к следующему этапу. Я невольно задержала дыхание.

Из динамика интеркома вдруг донесся глухой влажный звук и следом — истошный крик ассистента:

— Разрыв селезеночной вены у ворот органа! Отсос захлебывается!

Зуммер кардиомонитора внизу зашелся паническим писком:

`BP: 70/40 ... 55/30 ... HR: 140`

— Давление ноль! — закричал Колесников. — Мы ее теряем! Всеволод, сноси селезенку, пережимай ножку, иначе труп на столе через минуту!

Снести селезенку истощенной девушке перед химиотерапией означало обречь ее на сепсис и гибель через месяц. Я вжала пальцами в подоконник смотрового окна, чувствуя, как леденеет спина. Внизу вокруг операционного стола закипел ад.

Но Градов не дрогнул.

Сквозь вой сигналов в динамике прогремел его ледяной, яростный рык:

— Руку в рану! Прижимаю вену к первому поясничному позвонку пальцем! Селезенку не отдам! Без селезенки она не выдержит химию! Антонина Марковна, горячие салфетки! Второй отсос в рану! Будем шить на прижати!

— Стенка как папиросная бумага, ее прорежет нитью! — сорвался голос ассистента в динамике.

— Не прорежет! — отрезал Всеволод. — Шью лоскутом брюшины на пальцевом прижати! Снимаю лоскут с париетальной брюшины, кладу пристеночную заплату! Нить Prolene пять нулей на атравматике!

Сверху я видела, как замерли плечи Градова. Ни одного лишнего движения. Секунды растянулись в вечность. В динамике стояла звенящая, мертвая тишина, перебиваемая лишь ритмичным стуком ножниц и тяжелым дыханием хирурга.

— Пускаю кровоток... — глухо выдохнул Всеволод через бесконечные четыре минуты.

Пауза. И судорожный вздох Колесникова:

— Держит... Селезеночная вена мягко наполнилась! Кровотечения нет! Давление восемьдесят пять на пятьдесят пять! Держит!

Всеволод спас селезенку. Сверху было видно, как он выпрямился, стряхнув капли пота со лба. Его перчатки были багровыми, но времени на передышку не оставалось.

По интеркому я услышала: желудок удален. Звякнул металлический лоток. Но в микрофон селектора донесся встревоженный голос Всеволода:

— Белесоватый отек подслизистого слоя культи... Если рак ушел выше диафрагмы — мне придется вскрывать грудную клетку. Торакотомию после шока она не перенесет. Надежда! Лови срез пищевода! Мне нужен чистый R0!

— Край отправлен, — услышала я. В приемнике загудела пневмопочта.

11:35.

Капсула упала в приемник. Криотом Leica выдал серийный срез толщиной четыре микрона за две с половиной минуты. Но из-за тяжелого отека ядра клеток на рутинной окраске были бледными — риск ошибки был запредельным.

— Флуоресцентную сыворотку, — скомандовала я, доставая антитела к цитокератину-7, меченные изотиоцианатом флуоресцеина.

Раковые клетки связывали этот маркер, вспыхивая под ультрафиолетом неоновозеленым светом.

Капля антител, прогрев на термостолике шестьдесят секунд, отмывка фосфатным буфером. Я поместила препарат под объектив люминесцентного микроскопа и щелкнула тумблером ртутной лампы.

Лабораторию залил призрачный фиолетовый свет.

Секундомер замер на отметке: шесть минут тридцать секунд.

В поле зрения мышечные пучки пищевода светились спокойным темно-синим бархатом аутофлуоресценции. Сосуды были чисты. И ни единой светящейся изумрудной точки ракового эпителия во всем срезе!

Край резекции пищевода был абсолютно, безупречно чист! Истинный R0!

— Чисто! — выдохнул Митя.

Я схватила трубку селектора, нажала тангенту — но динамик лишь захрипел, выдав сноп искр, и смолк. Кабель связи оборвался.

А внизу Градов стоял с опущенными руками, пока ассистенты держали на весу открытые культы органов.

Я сорвала перчатки, набросила халат, натянула маску, бахилы, схватила предметное стекло и ногой вышибла дверь шлюза.

Я влетела в первую операционную и остановилась перед Градовым, подняв стекло на уровень его глаз:

— Всеволод Андреевич! Связь оборвалась! Люминесценция отрицательная! Цитокератин чистый! В срезе пищевода опухоли нет! Край резекции R0! Формируй анастомоз!

Наступила секундная тишина, сменившаяся общим выдохом облегчения.

Градов поднял голову. Сквозь запотевшие стекла оптических луп я увидела его глаза — огромные, потемневшие от пережитой бури, они смотрели на меня с такой неистовой благодарностью и мужским восхищением, что у меня перехватило дыхание. В этот миг рухнули все барьеры. Мы были двумя бойцами, вырвавшими жизнь из небытия.

— R0... — хрипло произнес он, и в его голосе дрогнула нежность. — Чистый край. Умница, Надя. Циркулярный шиватель номер двадцать пять! Подаем кишку!

На выключенной по Ру петле тонкой кишки Всеволод сформировал эзофагоэюноанастомоз. Пневмопроба под давлением сорок миллиметров показала полную герметичность. Для страховки Градов укутал шов сальником, наложив три П-образных шва монофиламентом.

Два силиконовых дренажа. Послойный шов раны.

— Операция окончена, — произнес Градов, когда последний шелковый шов лег на кожу. — Двенадцать тридцать. Длительность — четыре часа двадцать минут.

— Давление сто пятнадцать на семьдесят пять, — с улыбкой отозвался анестезиолог. — Мы победили.

Глава 3

Каталку с Верой бережно выкатили в реанимационный блок. Операционная опустела. В тишине угасал желтый накал бестеневых куполов, уступая место серому свету полдня.

Я стояла в предоперационной, прислонившись спиной к кафельной стене возле косяка. Силы разом оставили меня. Адреналин схлынул, сменившись гулкой слабостью во всем теле. Пальцы мелко дрожали.

У глубокой фаянсовой раковины стоял Всеволод Градов.

Он сбросил халат, оставшись в темно-синей майке, липнущей к широкой бугрящейся спине. Вода с шумом хлестала из крана, смывая с его предплечий мыльную пену и бурые следы тяжелейшего гемостаза.

Он выключил воду рычагом, вытер руки вафельным полотенцем и медленно обернулся.

Лицо его было бледным от предельного истощения, но в серых глазах горел ровный, согревающий огонь.

Он сделал шаг ко мне. Затем второй.

Пространство между нами сжалось до расстояния одного вдоха. От него пахло антисептиком, озоном, свежим потом сильного мужчины и тем неповторимым запахом спасенной жизни, который ни с чем нельзя спутать.

Градов поднял руки.

Я не шелохнулась, глядя снизу вверх в его потемневшие глаза.

Его пальцы — широкие, огрубевшие от сотен часов держания инструментов, но немислимо бережные — коснулись моих висков. Медленно он нащупал узлы маски за моими ушами и развязал их. Маска упала на грудь.

Но он не убрал рук.

Его ладонь — горячая, шершавая, обжигающая живым теплом — легла на мою щеку. Кончик большого пальца провел по скуле, заставив волну сладкого жара прокатиться по телу. Сердце пропустило удар.

— Мы сделали это, Надя, — произнес он глухо, и его голос вибрировал у самых моих губ. — Твой срез спас ее. Если бы ты не встала на консилиуме, если бы не выдала R0 — Шахов сгноил бы ее заживо. Я в долгу перед тобой.

Я не отвела взгляда, чувствуя, как щека горит под его ладонью, и положила свои пальцы поверх его тяжелого запястья, ощущая под кожей мощный толчок пульса:

— Мы сделали это вместе, Сева. Никаких долгов. Только спасенная жизнь. Иди поспи, ты стоял у стола больше четырех часов.

Градов едва заметно качнул головой, и его пальцы с затаенной нежностью скользнули по моей щеке к подбородку, прежде чем неохотно опуститься:

— Я не уйду из клиники. Я останусь дежурить у ее койки в реанимации до утра. Пока она не откроет глаза.

— Тогда я останусь с тобой, — тихо ответила я. — Буду в лаборатории. Готовить плановые гистологии.

Всеволод посмотрел на меня долгим взглядом, в котором пробилась скупая теплая улыбка:

— Договорились, доктор Надежда. До утра.

Он развернулся и пошел по коридору в сторону реанимации.

А я стояла у раковины, прижимая ладонь к горячей щеке, где пульсировал след его пальцев, и слушала, как за окном сад стряхивает с себя туман, впервые за долгие месяцы обещая мне не одиночество, а рассвет.

* * *

В шесть сорок утра коридоры реанимации тонули в плотном сизом полумраке. В руке я сжимала два бумажных стаканчика с больничным эспрессо. Пальцы еще помнили холод вчерашней криотомии, но внутри звенела собранная, натянутая струна.

У койки Веры Соколовой на винтовом табурете сидел Всеволод. Его белая куртка была растегнута у ворота, под глазами залегла синева бессонной ночи, но широкая спина оставалась неsgiбаемо прямой. Подушечки его пальцев лежали на лучевой артерии девочки, считая ровный пульс.

Едва я шагнула в бокс, дежурный реаниматолог Колесников заслони́л кровать плечом:

— Надежда Александровна, первые послеоперационные сутки после тотальной резекции! Зонд должен стоять пять дней, нельзя нагружать соустье пищевода! Поить через рот — преступление!

— Пропустите, доктор, — спокойно ответила я.

Я согрела мембрану фонендоскопа в ладони и приложила ее к левому подреберью Веры. Тишина взорвалась ритмичными, бодрими шумами живой перистальтики. Кишечник включился. Присоединив шприц Жане к зонду, я потянула поршень: в цилиндр вошло лишь два миллилитра прозрачной слизи без следов застоя или крови.

— Соустье герметично, застоя нет, — отрезала я. — Градов положил безупречный шов R0. Сейчас пластиковая трубка лишь провоцирует отек гортани и пневмонию. Удаляем.

Всеволод поднял усталые глаза, и губы его тронула скупая, теплая улыбка:

— Снимайте пластырь, Колесников. Морфолог прав.

Реаниматолог срезал фиксатор. Вера открыла глаза, полные первобытного страха перед спазмом. Пульс на мониторе подскочил до ста тридцати. Я села на край кровати, обняла ее за плечи и прошептала на ухо:

— Верочка, вспомни Пастернака: «Дышать — и больше ничего...». Вдох носом, выдох в мои ладони. Расслабь горло.

Она послушно вдохнула, и зонд плавно выскользнул наружу. Ни позыва, ни кашля. Вера заплакала от облегчения, роняя слезы мне на халат.

— Теперь лежи, — потянулась я за поильником.

Но Вера вдруг уперлась ладонями в мои предплечья. Ее босые ступни опустились на линолеум:

— Я хочу встать... Сделать глоток стоя. Как живой человек.

Колесников охнул, но Градов уже шагнул вперед, подставив мощное плечо:

— Вставай, Вера. Мы держим.

Мы подняли ее с двух сторон. Она сделала два твердых шага к рассветному окну, взяла стакан и сделала маленький глоток чистой воды. Глоток прошел свободно и безболезненно.

— Вода... — прошептала Вера, сияя исхудавшим лицом. — Холодная, сладкая вода! Я живу!

Дверь с грохотом распахнулась. Начмед Шахов застыл на пороге с перекошенным лицом:

— Что за самоуправство?! Почему тяжелая больная на ногах?!

Градов заслони́л девочку широкой спиной:

— Пациентка активизирована, глотание безупречно. Оформляйте перевод в четвертую палату, Григорий Иванович. И выделите отдельный пост.

Шахов побагровел, но под взглядом хирурга лишь черкнул закорючку в карте и выско-чил вон.

В коридоре нас встретила мать Веры, Елена Васильевна. Увидев дочь на ногах, женщина рухнула на колени, пытаясь целовать полы наших халатов. Всеволод бережно поднял ее под локти:

— Встаньте, прошу вас. Мы просто врачи. Идите к ней.

Мать сжала наши ладони в своих теплых руках, орошая их слезами благодарности, а мед-сестры в коридоре заплодировали. В палате Градов решительно вычеркнул из листа опиоиды:

— Опиоиды глушат моторику. Только спазмолитики и белковая смесь по пятьдесят мил-литров каждые два часа. Протокол Fast-Track.

В семь сорок пять утра смена кончилась. Я прислонилась к холодному кафелю в холле, сжимая остывший стаканчик.

— Пойду заливать парафиновые блоки...

Всеволод отобрал стаканчик, бросил в урну и крепко взял меня за руку:

— Хватит, Надя. Твои пальцы как лед. Пойдем в сад. Я напою тебя настоящим чаем.

* * *

Больничный парк тонул в густом тумане, пахнущем сырой корой, прелой листвой и горь-коватым яблочным соком. Старые деревья смыкались над гравием, роняя капли росы.

Каблук моих ботильонов скользнул по влажному булыжнику. Я качнулась, но сильная рука Всеволода мгновенно обхватила мою талию, надежно прижав к груди. Сквозь шерсть его свитера я ощутила гулкий, мощный ритм его сердца. Он не отпускал меня несколько секунд, глядя в глаза с нескрываемой нежностью.

— Осторожнее, Надя, — выдохнул он хрипло и поставил меня на дорожку.

Аллея привела нас к чугунной резной скамье под шатром столетней антоновки. Черные доски блестели от ледяной влаги. Градов молча снял свой тяжелый суконный пиджак и рас-стелил на сиденье:

— Садись. Твое здоровье дороже любого пиджака.

Я опустилась на теплое сукно, Всеволод сел вплотную, согревая плечом. Из стального термоса он налил в крышку янтарный настой — аромат шиповника, мяты и липового меда окутал нас мягким паром. На чугунном завитке скамьи я увидела латунную пластинку: «А.В.Г. — 1995».

— Это отец, — сказал Всеволод, глядя в крону. — Академик Андрей Всеволодович Гра-дов. Он восстановил этот сектор в сентябре девяносто пятого года, когда диспансер стал област-ным. Спас старые деревья, поставил скамьи. Ровно тридцать один год назад.

У меня перехватило дыхание:

— В сентябре девяносто пятого?.. Сева, мне исполнился тридцать один две недели назад. Я родилась в сентябре девяносто пятого года.

Градов посмотрел на меня с благоговейным изумлением:

— Значит, отец спасал этот сад для тебя, Надя.

Он сорвал крупную янтарно-зеленую антоновку, перочинным ножом с хрустом рассек плод и протянул мне ломтик на кончике лезвия:

— Ни слова о раке, Надя. Хотя бы десять минут. Попробуй.

Я сняла дольку губами. Терпкий, морозно-винный, сладкий сок брызнул на язык, вернув забытый вкус беззаботного дачного детства. Я зажмурилась:

— Боже мой... Какое чудо. Ничего вкуснее не пробовала.

— Тебе идет улыбаться, — тихо произнес он. — В операционной ты грозная, а сейчас — совсем юная.

Мы дошли до гранитного валуна с надписью: «*Сад врачебного милосердия*». Всеволод опустил руку на холодный камень:

— Пять лет назад отца затравили чиновники, когда он отказался списывать просроченную химию. Он умер от инфаркта прямо в кабинете. Этот сад — единственное место, где я чувствую его присутствие.

Я накрыла его ладонь своей:

— Вчера он гордился бы тобой, Сева. Ты продолжил его бой.

Его пальцы с благодарной силой сжали мою руку.

На стоянке он вынул связку ключей с массивным латунным кадуцеем:

— Никаких гостиниц. Вчера Воропаев подписал ордер на служебную сталинку на Чехова. Я выбил ее для тебя. Едем.

У выездных ворот навстречу медленно прокатился черный тонированный седан. Стекло приоткрылось: из глубины салона на нас уставились холодные глаза холеного мужчины в кашемире.

Градов сжал челюсти:

— «Фарм-Альянс» Белозерова... Вынюхивают, почему сорвался паллиатив Веры. Но мы на своей земле.

Глава 4

В субботу в полдень служебная квартира на Чехова купалась в осеннем солнце. Потолки в три с лишним метра с лепниной, метровые кирпичные стены, наборный дубовый паркет и широкий эркер с видом на сквер. Повсюду высились коробки с фундаментальными руководствами по онкогенетике и атласами патологии. Я сидела на полу, тщетно пытаюсь собрать стеллаж игрушечным шестигранником.

Стук в дверь раздался тяжело и по-хозяйски. На пороге стоял Градов — в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, в джинсах, со строительным чемоданом в одной руке и пакетом горячих круассанов с корицей в другой.

— Сева, ты же хирург! Береги руки!

— Руки должны уметь все, Надя. Ставь чайник, а мужская работа за мной.

Перфоратор запел в несущей стене. Обычные дюбели Всеволод отбросил, достав стальные шпильки и химический анкер:

— Твои трехтомники весят центнеры. Закрепим в коренной кирпич намертво.

Когда мы поднимали двухметровую дубовую полку, доска соскользнула с паза. Градов метнулся вперед, закрыл меня своим корпусом и принял тяжесть на предплечья. Полка встала на место, но мы оказались зажаты в тесном пространстве между шкафом и стеной. Моя спина уперлась в книги, а его грудь была в сантиметре от моей.

Он не отступил. Его горячая шершавая ладонь легла мне на талию, пальцы сжались на ткани свитера. Его дыхание коснулось моей шеи, зрачки расширились, затопив радужку черным огнем. Воздух сгустился до предела.

Потянувшись шуруповертом к угловой стяжке, Всеволод сорвал биту и оцарапал костяшку пальца. Выступила густая капля крови.

— Стой! — ахнула я.

Я схватила его руку, поднесла к губам и тихо подула на ссадину. Достав из сумочки хлоргексидин и пластырь, я бережно промыла ранку и заклеила ее, поглаживая его сильные пальцы.

Всеволод выдохнул хрипло:

— Твои руки лечат лучше любого лекарства, Надя.

К трем часам книги стояли на полках. Градов достал медную чеканную джезву, кварцевый песок и пакетик арабики с кардамоном. Раскалив песок на сковороде, он с ювелирной точностью сварил густой восточный кофе. Я накрыла стол льняной скатертью, выложив сулугуни, вяленые томаты и серый хлеб.

— Я три года не ел нормальной домашней еды, — признался он, жадно макая хлеб в масло. — Больница, дежурства, одиночество... Спасибо тебе за этот уют.

На закате мы вышли на балкон. Повеяло осенним холодом. Всеволод набросил свою куртку мне на плечи и встал позади, положив руки на перила по обе стороны от меня:

— Теперь это твой дом, Надя. И я никому не дам тебя в обиду.

* * *

В воскресенье в половине десятого утра тишину парка разорвал надрывный вой бензопилы. Я выбежала на мемориальную поляну и обомлела.

Двое рабочих в оранжевых жилетах натягивали трос на столетнюю антоновку Градова. На коре алел жирный масляный крест. Старый садовник Николай Кузьмич Макаров — дед Кузьмич — хватался за сердце:

— Ироды! Это ж дерево Андрея Всеволодовича!

— Пошел вон, дед! — рявкнул бригадир с пилой. — У нас наряд на снос сухостоя под стоянку «Фарм-Альянса»!

Пила взревела, цепь пошла к стволу. Я бросилась вперед и встала вплотную к дереву, раскинув руки:

— Заглушить мотор! Немедленно! Кто приказал пилить?!

Бригадир дернулся и неохотно сбросил газ, сунув мне мятый наряд с подписью Шахова.

— Сухостой? — усмехнулась я.

Я достала карманный микроскоп и скальпелем сделала тончайший срез коры у дупла:

— Смотри сюда, вредитель! Камбий ярко-зеленый, сосуды флоэмы сочные, тургор безупречный! Дерево переживет нас с тобой! Сухостой только в твоей совести! Кузьмич, держи оборону!

Через семь минут на аллею влетел внедорожник Всеволода. Увидев красный крест на отцовской яблоне, Градов побелел. В три шага он подлетел к бригадиру, одним рывком вырвал из его рук ревущую бензопилу и с размаху швырнул ее в кузов их грузовика. Металл загрохотал о борта.

— Вон отсюда, — пророкотал Всеволод ледяным басом. — Если через две минуты ваша колымага будет здесь — запру в морге до приезда ОМОНа. А Шахову передайте: тронет сад — я сломаю ему руки.

Рабочих сдуло. Кузьмич со слезами указал на свежий топорный затес на древесине:

— Загниет яблонька к зиме...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.